

МОСКВА В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОВЕСТИ ПУШКИНА “ПИКОВАЯ ДАМА”

© 2011 г. Н. И. Михайлова

Московская тема петербургской повести рассмотрена в статье на уровне сюжета и образной системы, в плане противопоставления героя нового времени, ориентированного на западную культуру, и старой московской аристократии, в контексте оппозиции “Москва – Петербург”. Специальное внимание уделено московским реалиям, связанным с карточной игрой. Выявлены московские семейные предания, отразившиеся в фантастической сцене явления призрака.

The theme of Moscow in the St. Petersburg novella is dealt with in the paper, the main issues of discussion being its plot and imagery in connection with the juxtaposition of the hero of the day who is oriented to Western culture and the old Moscow aristocracy in the context of the basic opposition between Moscow and St. Petersburg. Special attention is paid to characteristic Moscow details in connection with card games, in particular. Moscow family traditions as reflected in the scene of the appearance of the ghost are revealed.

Ключевые слова: Москва – Петербург, карточная игра, семейные предания.

Key words: Moscow v. St. Petersburg, card games, family traditions.

В научной литературе, посвященной “Пиковой даме”, неоднократно приводятся слова Достоевского о ее главном герое Германне, из романа “Подросток”: “колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип – тип из петербургского периода”. Небезынтересно, однако, привести это суждение не фрагментарно, а в контексте всего высказывания: «В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из “Пиковой дамы” (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип – тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться» [1, с. 151].

Достоевский, таким образом, не только определил петербургский тип Германа, он “вписал” его в саму атмосферу призрачного Петербурга. Представляется очевидным, что “Пиковая дама” – это петербургская повесть. «“Пиковая дама” прежде всего городская петербургская новелла, – справедливо полагал Д.П. Якубович. – Место действия ее “одна из главных улиц Петербурга”, “дом старинной архитектуры”. С аристократическим Петербургом контрастно переплетен и Петербург чиновный, мелковоенный, – с будочниками, с Ванькой “на тощей кляче своей”, с тусклыми фонарями, заносимыми снегом. В этом Петербурге нашел Пушкин “узкую витую лестницу в комнату воспитанницы”, одинокие хождения героя по улицам, “обеда в уединенном трактире”, горячий золотой бред бедного инженерного офицера (т.е. офицера Главного инженерного училища),

живущего “в смиренном уголке своем”, галлюцинации, кончающиеся Обуховской больницей» [2, с. 64–65].

К приведенному очерку отразившихся в “Пиковой даме” реалий петербургской жизни можно добавить балы, на которые “таскалась” графиня, бал “у *** ского посланника”, на который едет она со своей воспитанницей, церковь в монастыре, где графиню отпевают, кондитерскую лавку, где Германн читает письмо от Лизаветы Ивановны, игорный дом с “рядом великолепных комнат”. Перечень петербургских персонажей, упомянутых в пушкинской повести, также может быть дополнен: игроки – молодые люди, генералы и тайные советники, молодой архиерей, княжна Полина, “быстроглазая мамзель” из модной лавки, пьяный денщик, челядь, обкрадывающая умирающую старуху, “старая барская барыня”, лакеи, швейцар, “учтивые официанты”. В самом деле, Петербург представлен в “Пиковой даме” широко и многопланово.

Петербургская тема в пушкинской повести давно стала предметом исследования. Так или иначе эта тема затрагивалась в статьях о “Пиковой даме”, в монографиях, посвященных прозе Пушкина. Впервые к ней специально обратился Вл.А. Ходасевич, рассмотрев “Пиковую даму” в ряду других петербургских произведений Пушкина, сопоставив ее с “Домиком в Коломне”, “Медным всадником”, с пушкинским рассказом, который лег в основу повести В.П. Титова “Уединенный домик на Васильевском острове” [3]. Сопоставительный

анализ “Пиковой дамы” и “Медного всадника” представлен в монографии Н.Н. Петруниной [4, с. 199–240]. В.Н. Топоров включил “Пиковую даму” не только в контекст петербургских произведений Пушкина, но и в петербургский текст русской литературы [5, с. 22–28]. Что же касается московской темы в петербургской повести Пушкина, то она, насколько нам известно, до сих пор не привлекла внимания исследователей. Попытка рассмотреть московскую тему в “Пиковой даме”, выявить ее роль в сюжете, образной системе повести, определить некоторые московские источники петербургского текста Пушкина и является задачей предлагаемой работы.

Прежде всего обратим внимание на то, что, уже в первой главе повести заявлена московская тема. Томский рассказывает о том, как его бабушка, графиня Анна Федотовна, “лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж, и была там в большой моде. Народ бегал за нею, чтоб увидеть la Venus moscovite...” [6, с. 228]. “Венера московская” – это “Венера русская”. Москвитин называли Россию. И все же эпитет “московская” не случаен. Когда графиня проигрывает герцогу Орлеанскому “что-то очень много” и приказывает своему мужу заплатить карточный долг, тот доказывает ей, “что в полгода они издержали полмиллиона, что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни...” [6, с. 228]. Таким образом, молодая графиня представлена и в поэтическом ореоле, и в прозаическом, бытовом плане: московская Венера, богиня любви и красоты – обладательница подмосковной и саратовской деревень. Она – воплощение “века минувшего”, когда карты были развлечением, деньги – средством, а любовь – целью. Ей, московской Венере, графине, противопоставлен Германн, сын обрусевшего немца, инженерный офицер с профилем Наполеона и душой Мефистофеля, петербургский герой “века нынешнего”, когда деньги стали вожаемой целью, а любовь – всего лишь средством для ее достижения, карты же из развлечения превратились в поединок не на жизнь, а на смерть. Овладев карточной тайной графини, Германн мечтает в “открытых игрецких домах Парижа выудить клад у очарованной фортуны” [6, с. 249], то есть, он намерен из Петербурга отправиться в столицу Франции с тем, чтобы играть и выиграть там, где некогда проиграла, но отыгралась московская Венера, графиня Анна Федотовна.

Московская Венера, “молодая красавица с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в пудренных волосах”, которая смотрит на Германна с портрета, писанного в Париже мадмуазель Лебрен, превратилась во вздорную властную ста-

руху. Современники Пушкина узнали в ней княгиню Наталью Петровну Голицыну. 7 апреля 1834 г. Пушкин записал в дневнике: “Моя Пиковая дама в большой моде. – Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н.<атальей> П.<етровной> и, кажется, не сердятся...” [7, с. 324].

Н.П. Голицыной, возможному прототипу “Пиковой дамы”, посвящена обширная литература. Некоторые факты ее биографии, черты характера, отразившиеся в повести Пушкина, – пребывание в Париже, влиятельное положение при русском дворе, властность – все это находит подтверждение в мемуарах современников, в частности, в воспоминаниях Е.П. Яньковой “Рассказы бабушки” [8]. Возможно, образ московской Венеры был подсказан Пушкину тем, что дочь Н.П. Голицыной графиню Е.В. Апраксину, в отличие от ее матери – красавицы, в Париже называли разгневанной Венерой: “Екатерина Владимировна была очень хороша собою, но имела черты резкие и выражение лица довольно суровое, и поэтому в молодости, когда она была в Париже, ее называли французы Venus en courroux, потому что походила на разгневанную богиню” [8, с. 86]. Пушкин был знаком и с Н.П. Голицыной, и с Е.В. Апраксиной. С Натальей Петровной он встречался в Петербурге в 1830-е годы (она, 1741 года рождения, была в это время глубокой старухой). В московском доме Е.В. Апраксиной на Знаменке, известном спектаклями, концертами, литературными вечерами, Пушкин был в 1827 г. на представлении оперы Россини “Сорока-воровка”. Среди московских знакомых Пушкина второй половины 1820–1830-х годов – сын Н.П. Голицыной, московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын. Детям Н.П. Голицыной принадлежали подмосковные имения: с 1803 г. Вяземами, недалеко от которых находилось Захарово, где маленький Пушкин бывал летом, владел Б.В. Голицын, хозяином Рождествена был Д.В. Голицын, в Ольгово в гости к своей дочери Е.В. Апраксиной приезжала Наталья Петровна. Н.П. Голицыну знали и в Петербурге, и в Москве. Она представляла известный дворянский клан, московскую дворянскую семью. Ее семейственные добродетели воспел в 1819 г. московский стихотворец В.Л. Пушкин в “Стихах, петых в честь ея сиятельства княгини Натальи Петровны Голицыной в селе Ильинском” (село Ильинское – подмосковное имение Голицыных Звенигородского уезда):

Повелевай ты нашими судьбами!
Мы все твои; тобою мы живем,
И нежну мать, любимую сердцами,
В день радостный с восторгом мы поем. [9, с. 169]

П.В. Нащокин сообщил П.И. Бартеневу о том, что сюжет “Пиковой дамы” восходит к семейному преданию Голицыных: “...главная завязка повести не вымышлена. Старуха графиня – это Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже С.-Жерменом. “Попробуй”, – сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался. Дальнейшее развитие повести все вымышлено» [10, с. 233].

П.В. Нащокин в своих воспоминаниях назвал и другой возможный прототип старой графини – Наталью Кирилловну Загряжскую, урожденную графиню Разумовскую (1747–1837), кавалерственную даму, родственницу жены Пушкина – ее рассказами о XVIII веке, по свидетельству П.А. Вяземского, Пушкин заслушивался, записывал их в дневнике, в “Table-talk”. Исследователи, справедливо полагая, что в “Пиковой даме” представлен не столько портрет Н.П. Голицыной или Н.К. Загряжской, сходство которой со старой графиней признавал Пушкин, сколько тип влиятельной знатной старухи, называют также бабушку В.А. Соллогуба Е.А. Архарову, урожденную Римскую-Корсакову, кавалерственную даму (1755–1836) и Н.Д. Офросимову, урожденную Лобкову (1753–1826) [11, с. 153].

Екатерина Александровна Архарова, как и Н.П. Голицына, принадлежала и Москве, и Петербургу. В первопрестольной столице она, как и ее муж И.П. Архаров, пользовалась почетом и общественным уважением. Зимой в городе, летом в подмосковном имении Звенигородского уезда – селе Иславском она вела “жизнь просторную, русскую, барски-помещичью” [12, с. 21], дорожила по московской привычке родственными связями. Переехав в Петербург, лето проводила на даче в Павловске. К Е.А. Архаровой благоволил Александр I.

Настасья Дмитриевна Офросимова, мать четырех сыновей-гвардейцев, дама, как охарактеризовал ее С.П. Жихарев, “презамечательная своим здравомыслием, откровенностью и безусловной преданностью правительству” [13, с. 153] – колоритная фигура Москвы пушкинского времени. Она послужила прототипом Хлестовой в “Горе от ума” Грибоедова, Марьи Дмитриевны Ахросимовой в “Войне и мире” Л.Н. Толстого. “Марью Дмитриевну, – писал Л.Н. Толстой, – знала царская фамилия, знала вся Москва и весь

Петербург, и оба города удивлялись ей, втихомолку подсмеиваясь над ее грубостью, рассказывали про нее анекдоты; тем не менее все без исключения уважали и боялись ее” [14, с. 72]. Повелительный тон, грубость в обращении были свойственны Н.Д. Офросимовой, как и старой графине в “Пиковой даме”. «Офросимова была одного с нами прихода Иоанна Предтечи в старой Конюшенной, – вспоминал А.А. Стахович, – она строго блюла порядок и благочиние в церкви, запрещала разговоры, громко бранила дьячков за нестройное пение или за нерасторопность в служении; дирала за уши (как Чацкого) мальчиков, выходивших со свечами при чтении Евангелия и ходивших с тарелочкою за церковным старостой, держала в ришпекте и просвирию, подносящую ей одной большую просвиру. К кресту Офросимова всегда подходила первою; раз послала она дьячка к незнакомой ей даме, которая крестилась в печатке, громко, на всю церковь, дав ему приказание: “Скажи ей, чтоб сняла собачью шкуру”» [15, с. 154].

Анализируя речь старой графини, В.В. Виноградов отметил, что в ней «отражаются типичные для барского просторечия XVIII века лексические и синтаксические приметы “простонародности” (“вчера”, “я чай она уж очень постарела”; обращение: “мать моя”, “матушка”; “столбняк на тебя нашел, что ли”; “и, мой милый: что в ней хорошего?” и т.п.). На этом социально-языковом фоне остро выступает экспрессия безапелляционных приказаний (ср. частое употребление императивного инфинитива – “благодарить!”, “отложить карету” и т.п.), окриков, воркотни и придинок нетерпеливой, капризной и требовательной, выживающей из ума самодурки – в контраст с тихой и безмолвной Лизаветой Ивановной. (“Что ты, мать моя, глуха что ли?..” – “Громче! Что с тобою, мать моя? С голосу спала, что ли?.. Погоди: подвинь мне скамеечку; ближе... ну!” – “Что же ты не одета? Всегда надобно тебя ждать. Это, матушка, несносно!” – “Наконец, мать моя!.. что за наряды! Зачем это?.. кого прельщать?..” – “Лизанька, мы не поедем: нечего было наряжаться...” – “Что с тобою сделалось, мать моя? Столбняк на тебя нашел, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь? Слава богу, я не картавлю и из ума еще не выжила!”»)» [16, с. 590]. В.В. Виноградов отметил, что «эту типическую манеру речи Пушкин ярко воспроизвел еще в наброске “В одно из первых чисел апреля...” (в языке Прасковьи Ивановны: “мать моя”, “куда тебя бог несет”, “да ведь это ужесть как далеко”, “да ведь они что турки да бухарцы – нехристы. Они ее забреют и запрут” и т.п.)» [17, с. 219]. Отрывок, о котором пишет ис-

следователь – это начало “Романа на Кавказских водах”, место действия отрывка – Москва: Прасковья Ивановна говорит о том, что “Москва первой отроду правду сказала”, сокрушается, что ей “далеко <...> тащиться, с Басманной на Арбат”.

Прототипами Катерины Петровны Томской и ее дочери Маши являются московские знакомые Пушкина – по его словам, “чрезвычайно милая представительница Москвы” Марья Ивановна Римская-Корсакова и ее дочь красавица Александра, которой поэт был увлечен. В отрывке звучит московская речь. И язык старой графини в “Пиковой даме”, как и Прасковьи Ивановны, – это язык старого московского барства. И это еще один аспект московской темы в петербургской повести Пушкина. Противостояние Германна и графини – это противостояние петербургского героя нового времени, ориентированного на западную культуру, и старой русской аристократии, укорененной в московском жизненном укладе.

Обратимся теперь еще к одной ипостаси “Пиковой дамы”. “Пиковая дама” – “карточная” повесть. И здесь есть страницы, посвященные московской теме.

Когда Германн стал думать об отставке и “путешествии”, о том, чтобы “в открытых игрецких домах Парижа выудить клад у очарованной фортуны”, то “случай избавил его от хлопот”: «В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского, прошедшего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги. Долговременная опытность заслужила ему доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики. Он приехал в Петербург. Молодежь к нему нахлынула, забывая балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства. Нарумов привез к нему Германна» [6, с. 249].

“Славный Чекалинский” – опытный профессиональный игрок: он нажил миллионы, “выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги”. Знаток московского быта пушкинского времени М.И. Пыляев сообщил про одного игрока (о нем “много рассказов ходило по Москве”) сведения, которые можно считать своеобразным комментарием к приведенному выше отрывку из “Пиковой дамы”: “При посещении этого игрока, в кабинете его изумленный посетитель на одном из столов находил целую меняльную лавку. Здесь в правильных столбиках стояла звонкая российская монета всякого достоинства, начиная от золотых лобанчиков и полуимперялов до серебряных пятачков

и рублевиков. Он не играл иначе, как на звонкую монету, и таким привлекательным видом золота и серебра соблазнил не одного молодого игрока. Рассказывали также, что у него на диване лежала подушка, набитая скомканными ассигнациями. По рассказам, годовой его оборот на зеленом поле исчислялся не одним миллионом рублей...» [18, с. 42–43].

Давно высказано предположение о том, что прототипом Чекалинского явился московский игрок-профессионал В.С. Огонь-Догановский. Крупная игра, которая велась в его доме, привлекла внимание полиции. В архиве III Отделения Б.Л. Модзалевский обнаружил донесение “О карточной игре” майора Брянчанинова: “Банковая в карты игра в Москве не преставала никогда; но в настоящее время, кажется, еще усилилась, и в публике без сожаления замечают слабой в оном присмотр Полиции. Между многими домами, составившими для сего промысла партии, дом Догановского есть особенное прибежище игрокам. Сказывают, что игорные дни назначены и сам хозяин мечет Банк, быв с другими в компании. Генваря 2 дня 1830 г.” [19, с. 95].

Пушкин посещал игорный дом В.С. Огонь-Догановского весной 1829 г. и проиграл ему большие деньги – 24 800 рублей. Он обязан был выплатить карточный долг в течение четырех лет. Пушкин, как многие неудачливые игроки, расплачивался с ним векселями, просил П.В. Нащокина взять на себя переговоры об уменьшении суммы карточного долга. В конце 1831 г. поэт заплатил Огонь-Догановскому 15 000 рублей, на 5000 рублей выдал вексель.

Разумеется, личный опыт Пушкина – страстного игрока сказался в “Пиковой даме”. Что же касается Огонь-Догановского, то заслуживают внимания соображения Г.Ф. Парчевского о том, что портретная характеристика Чекалинского в большей степени соответствует не ему, а другому известному московскому игроку, который любил играть в карты наверняка, Ф.И. Толстому-Американцу (его хорошо знал Пушкин) (см.: [20, с. 60–64]). Впрочем, возможно, что прототипические данные и других игроков могли сказаться в образе Чекалинского. В данном случае хотелось бы подчеркнуть, что Чекалинский – московский банкомет; в “Пиковой даме” речь идет об обществе богатых игроков, которое “составилось в Москве”. Пыляев справедливо считал Москву центром азартных игр: “Нигде азартные игры не достигали таких чудовищных размеров, как в Москве... <...> В Москве беспрестанно случались самые скандальные истории, где главная роль принадле-

жала картам” [18, с. 45]. О некоторых нашумевших карточных историях мог знать Пушкин.

В 1802 г. князь А.Н. Голицын проиграл в карты свою жену Марию Григорьевну, урожденную Вяземскую, графу Л.К. Разумовскому.

С.П. Жихарев рассказал о многих карточных сражениях в Москве середины 1800-х гг., о “молодецком проигрыше и еще более молодецком отыгрыше” Л.Д. Измайлова – во время его игры “большинством голосов присудили метать до миллиона” [21, с. 175]. До выхода в свет “Пиковой дамы” было более четверти века, когда 29 января 1807 г. Жихарев записал в дневнике: «...показался в Москве такой необыкновенный прилив денег, какого старики не запомнят; но зато вместе с ним появились и азартные игры в таких огромных размерах, каких также не запомнят старики. Все прежние любимые увеселения, как то: собрания, балы, спектакли и разного рода охоты – предоставлены теперь мелкой сошке, а богачи пустились искать ощущений сильнейших за карточными столами. Банк во всем разгаре: проигрывают и выигрывают неимоверные суммы. Нечто подобное начиналось уже в запрошлом году, и мне очень памятно эти физиономии банкومتов, тощие и страдальческие, физиономии, которые я не желал бы встречать часто в жизни; эти дрожащие руки, закрывающие карты принадлежащей им стороны и после медленно их вскрывающие с таким трепетом, как будто бы вскрывали они роковой жребий свой на жизнь или смерть... страшно смотреть!” [21, с. 113–114].

В 1825 г. в московском доме композитора А.А. Алябьева во время карточной игры началась драка, один из ее участников Т.М. Времев через несколько дней умер. В его смерти обвинили Алябьева. Три года, пока велось следствие, он провел в крепости, затем был приговорен к ссылке в Тобольск. В 1832 г. его отправили на Кавказ, а потом в Оренбург. Алябьев вернулся в Москву только в 1843 г., где жил под надзором полиции.

Знакомого Пушкина С.Д. Полторацкого в 1827 г. обыграли в Москве на 700 000 рублей...

Московские карточные истории – не только реальный фон “Пиковой дамы”. Московская карточная тема имеет, как нам представляется, особый смысл в пушкинской повести. Московский банкومت Чекалинский заступает место московской Венеры (графиня “лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж”; Чекалинский “был человек лет шестидесяти”). Петербургский герой Германн, овладев карточной тайной московской Венеры, став причиной смерти старой москов-

ской аристократки, проигрывает в карточном поединке с московским банкومتом. Насмешливый взгляд мертвой графини, прищурившейся одним глазом, усмешка прищурившейся пиковой дамы сменяются “всегдашней улыбкой” Чекалинского: “Дама ваша убита, – сказал ласково Чекалинский” [6, с. 251]. Круг замкнулся: “Чекалинский снова стасовал карты: игра пошла своим чередом” [6, с. 252].

Небезынтересно отметить, что “Пиковая дама” обрамляется эпиграфами, источники которых – московские анекдоты о карточной игре.

Эпиграф к первой главе – стихотворение Пушкина:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули – бог их прости! –
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом. [6, с. 227]

Сравним текст эпиграфа с фрагментом из воспоминаний М.П. Погодина “Вечера у Ивана Ивановича Дмитриева”: «Кто-то из собеседников употребил выражение: “Надо заниматься делом”. – “Каким делом? – заметил Иван Иванович. – Это слово у разных людей имеет разное значение. Вот, например, Вяземский рассказывал мне на днях, что под делом понимают официанты Английского клуба. Он объехал по обыкновению все балы и все вечерние собрания в Москве и завернул, наконец, в клуб читать газеты. Сидит он в газетной комнате и читает. Было уже поздно – час второй или третий. Официант начал около него похаживать и покашливать. Он сначала не обратил внимания, но, наконец, как тот начал приметно выражать свое нетерпение, спросил: “Что с тобою?” – “Очень поздно, ваше сиятельство”. – “Ну так что же?” – “Пора спать”. – “Да ведь ты видишь, что я не один, и вон там играют еще в карты”. – “Да те ведь, ваше сиятельство, дело делают”» (цит. по [22, с. 494]).

Эпиграф к последней шестой главе:

– *Атанде!*

– Как вы смели мне сказать атанде?

– Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с!*
[6, с. 249].

Н.О. Лернер полагал, что “материал” для него (для этого эпиграфа. – Н.М.) мог дать Пушкину

анекдот о графе Гудовиче, который, рассказывает в “Старой записной книжке” князя П.А. Вяземского, “говаривал, что с получением полковничьего чина он перестал метать банк сослуживцам своим. Неприлично, продолжал он, старшему подвергать себя требованию какого-нибудь молодкососа – прапорщика, который, понтируя против вас, почти повелительно вскрикивает: атанде” [11, с. 161–162]. Приведенный анекдот – московский. Н.В. Гудович (1741–1820) – фельдмаршал, в 1809 г. был назначен генерал-губернатором Москвы и членом Государственного Совета.

Таким образом, петербургский анекдот (“Пиковая дама” – “не повесть, а анекдот”, считал В.Г. Белинский [23, с. 577]), включающий в себя парижский анекдот о трех картах, анекдот о государыне и фрейлинах, рассказанный графиней внуку, заключен в раму московских карточных анекдотов.

Но “Пиковая дама” – еще и фантастическая повесть; и здесь московская тема также дает о себе знать. На наш взгляд, есть основание считать, что в петербургской повести сказались московские семейные предания Пушкиных. Эти предания записал племянник Пушкина Л.Н. Павлищев.

С.Л. Пушкин и В.Л. Пушкин – «оба они, будучи детьми, увидели вечером в одной и той же комнате и в один и тот же час бабку их Чичерину на девятый день по ее кончине. Она вошла к ним в детскую, благословила их и исчезла. Оба мальчика не сказали один другому об этом ни полслова. Лет пятнадцать спустя, они пировали в кружке товарищей – офицеров Егерского полка; предметом беседы послужили, между прочим, сверхъестественные анекдоты, рассказываемые по очереди каждым из присутствовавших. Очередь дошла до Сергея Львовича, и он упомянул о своем видении; тогда Василий Львович, вскочив с места, закричал: – “Как это, Серж? Значит, мы в одну и ту же минуту видели то же самое”» [24, с. 38].

И еще: «Бабка моя, Надежда Осиповна, год спустя после появления на свет Александра Сергеевича, – следовательно в 1800 году, – прогуливаясь с мужем днем по Тверскому бульвару в Москве, увидела шедшую возле нея женщину, одетую в белый балахон; на голове женщины был белый платок, завязанный сзади узлом, от которого висели два огромных конца, ниспадавшие до плеч. Женщина эта, как показалось моей бабке, не шла, а скользила, как бы на коньках. – “Видишь эту странную попутчицу, Сергей Львович?” Ответ последовал отрицательный, а странная попутчица, заглянув Надежде Осиповне в лицо, исчезла» [24, с. 35–36].

Спустя пять лет Надежда Осиповна в Михайловском опять увидела это странное существо, скользящее по полу как будто на коньках. Спустя же еще пять или шесть лет оно явилось к ней в Петербурге: «Однажды Надежда Осиповна, в ожидании прибытия гувернантки, укладывающей Ольгу Сергеевну спать, вязала в своей комнате чулок. Комната освещалась тусклым светом висячей лампы; свечи же на столике бабка из экономии не сочла нужным зажигать до прихода мисс Белли. Внезапно отворяется дверь, и Надежда Осиповна, не спуская глаз с работы, говорит вошедшей: “А! Это наконец вы, мисс Белли! Давно вас жду, садитесь, читайте”. Вот шедшая приближается к столу, и глазам бабки представляется та же таинственная гостья Тверского бульвара и сельца Михайловского – гостья, одетая точно так же, как и в оба предшествовавшие раза. Загадочное существо вперило в Надежду Осиповну безжизненный взгляд, обошло или, лучше сказать, проскользнуло три раза вокруг комнаты и исчезло, как бабке показалось, в стене» [24, с. 36–37].

В “Пиковой даме”, в сцене явления призрака графини, как и в рассказе Л.Н. Павлищева, записанного им со слов матери О.С. Пушкиной, сначала слышны звуки отворяемой двери, шагов, возникает предположение, что это знакомый герою человек (у Пушкина – денщик, кормилица; у Л.Н. Павлищева – гувернантка), а затем появляется белая женщина: призрак бестелесен, он “скользит” перед увидевшим его Германном: “Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать и думал о похоронах старой графини.

В это время кто-то с улицы заглянул к нему в окошко, – и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Чрез минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользнув, очутилась вдруг пред ним, – и Германн узнал графиню!” [6, с. 247].

Разумеется, можно предположить, что Л.Н. Павлищев, когда писал свои воспоминания, уже читал “Пиковую даму”. Но даже если стилистика его описания в какой-то мере заимствована у Пушкина, то сам сюжет, как и сюжет явления покойной бабушки С.Л. и В.Л. Пушкиным, основан на

семейных преданиях, которые следует учесть при изучении творческой истории пушкинской повести [26, с. 88–89].

Итак, московская тема в петербургской повести “Пиковая дама” дает о себе знать в ее образной системе (антитеза “Московской Венеры” и петербургского героя нового времени); она представлена в “карточной” странице повести; наконец, с московскими впечатлениями связана, по всей вероятности, сцена фантастического явления призрака.

Несомненно, московская тема “Пиковой дамы”, должна быть рассмотрена в контексте других пушкинских произведений, где речь идет о новой знати, о Москве как отставной столице, “утратившей” “свой аристократический блеск” (например, в “Путешествии из Москвы в Петербург”, 1835), а также включена в более широкую тему “петербургского” и “московского” укладов, которая, по справедливому замечанию В.Э. Вацура, “уже к 1820-м годам <...> приобретает философскую, историческую и политическую окраску” [27, с. 166]. Но это уже должно стать предметом специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. М., 1957.
2. *Якубович Д.* “Пиковая дама” // *Пушкин А.* Пиковая дама. Л., 1936.
3. *Ходасевич Вл.* Петербургские повести Пушкина // *Ходасевич Вл.* Статьи о русской поэзии. Пб., 1922.
4. *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина. Л., 1987.
5. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Л., 1948.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 12. М.: Л., 1949.
8. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.
9. *Пушкин Василий Львович.* Стихотворения. СПб., 2005.
10. Пушкин в воспоминаниях современников. Изд. 3. В 2 т. Т. 2. СПб., 1998.
11. *Лернер Н.О.* История “Пиковой дамы” // *Лернер Н.О.* Рассказы о Пушкине. Л., 1929.
12. *Соллогуб В.А.* Воспоминания. М., 1998.
13. *Жихарев С.П.* Записки современника. В 2 т. Т. 1. Л., 1989.
14. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 14 т. Т. 4. М., 1951.
15. *Стахович А.А.* Ключки воспоминаний. М., 1904.
16. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
17. *Виноградов В.В.* Стиль “Пиковой дамы” // *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
18. *Пыляев М.И.* Старое житье. Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. Изд. 2. СПб., 1897.
19. *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. Л., 1925.
20. *Парчевский Г.Ф.* Налево ляжет ли валет? Пушкин и карты. Б.м., 1994.
21. *Жихарев С.П.* Записки современника. В 2 т. Т. 2. Л., 1989.
22. *Дмитриев И.И.* Сочинения. М., 1986.
23. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 7. М., 1953.
24. *Павлищев Л.* Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине. М., 1890.
25. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 11. М.: Л., 1949.
26. *Михайлова Н.И.* Семейные предания Пушкиных в повести “Пиковая дама” // А.С. Пушкин и мировая культура. Материалы международной конференции (МГСУ, 21 апреля 1999 г.). М., 2001.
27. *Вацура В.Э.* Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6. Л., 1969.